

А. И. КУПРИН-ОГОРОДНИК: САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ПИСАТЕЛЯ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ИНТЕРВЬЮ ЭПОХИ МОДЕРНА

Е. А. Селютина

Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье исследуется жанр «литературное интервью» на примере творческих высказываний в прессе А. И. Куприна в начале XX века. Показывается, что в момент зарождения жанра были заложены принципы и роли взаимодействия интервьюера и интервьюируемого, сформированы ожидания читательской публики от формально-содержательных особенностей жанра. Повышенный интерес к частной жизни литераторов отмечается как характерная черта модерна, приоткрывающего тайны экстраординарных персон. Жанр интервью рассматривается в контексте эволюции литературной формы портрета в условиях формирования массовой культуры. В научный оборот вводятся новые научные материалы, ранее не рассматривавшиеся в контексте нарратива самоосмысления литераторов. Векторы самопрезентации А. И. Куприна показаны как творческая тактика, опыт взаимодействия с читателем, подготовленным традицией реализма XIX века к «неприкрытой правде жизни». Публичная позиция писателя обусловлена его работой в прессе, творческими симпатиями и ориентирами (Куприн – наследник традиции пушкинского и толстовского письма; противник авангардной литературы), позиционированием себя как творца, готового впустить читателя в творческую лабораторию, близкого миру простому, «непоэтическому». Ролевая модель автора – экспертирование больших точек современности (армейской жизни, проституции, жизни советской России).

Ключевые слова: литературное интервью, русский модернизм, эго-нарратив, журналистика, история журналистики, средства массовой информации, медиадискурс, речевые жанры, периодическая печать, интервьюеры; интервьюируемые, А. И. Куприн.

Введение

Природа взаимодействия читателя и писателя, влияние художников слова в сфере общественных дискуссий привлекает внимание литературоведов уже более двух веков, взаимосвязь писательства как культурной практики и одновременно инструмента влияния на социум анализируется в трудах представителей культурно-исторической школы (И. Тэн), социологической школы литературоведения (Д. Лукач, Г. В. Плеханов), марксистского литературоведения, социологов литературы (Б. Дубин, Н. Зоркая, П. Бурдые), оценивается в контексте формирования литературного канона (Г. Блум, И. Сухих). Пересмотр конвенций, принятых в отношении литераторов, каждый раз совпадает с моментами принципиальных изменений в литературном процессе, утвердившихся художественных стратегий, что связано, в том числе, с появлением новых способов коммуникации, оригинальным проявлением фигуры писателя в публичном диалоге.

Глобальная реконфигурация литературного поля произошла в конце XIX – начале XX века в связи с появлением массовых газетных изданий, с которыми литераторы начинают активно сотрудничать, быстро меняя социальные роли (писатель – репортер, журналист), скорость и частота письма возрастает, в результате чего происходит развитие литературно-публицистических жанров. Внимание к отдельной личности в эпоху модерна привело к расцвету импрессионистической имманентной критики, которую можно считать предвестником антропологического поворота середины

XX века. Наиболее яркими образцами такого подхода можно считать труды Ю. Айхенвальда («Силуэты русских писателей», 1905), Д. С. Мережковского («Л. Толстой и Достоевский», 1901–1902) в жанре «литературный портрет». «Портретирование» героя литературного процесса в жанре очерка при любом методологическом подходе выводило на первый план проблему персональности, которая остро встала в момент формирования массового типа культуры (см. работы В. С. Соловьева «Поэзия гр. А. К. Толстого», 1895, цикл портретов Д. С. Мережковского «Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы», 1897, В. Г. Короленко «Антон Павлович Чехов», 1904, «Всеволод Михайлович Гаршин», 1910, А. Воронского «Литературные портреты», 1928–1929). Поэтому начинается расцвет также и жанра беседы-портрета, или интервью-портрета, ставшего заметным явлением русского модерна: писатель вызывает интерес не только как автор литературных произведений, но и как человек, которому «человеческое не чуждо». Во второй половине XIX века жанр «литературного портрета» под влиянием И. Тэна (создавшего критические очерки о О. де Бальзаке и Стендале) распространяется по всей Европе, но принципиальным изменением в исследуемом нами жанре стала форма прямой речи автора, используемая в интервью-беседах как основной инструмент верификации высказывания. Интервью – новый жанр, вызывающий повышенный интерес, поэтому практически каждая газета ввела соответствующий раздел для их публикации, а писатели получили воз-

возможность непосредственного влияния на читательские публики, представляя миру «образ писателя».

Обзор литературы

Изучение литературных интервью как факта истории литературы российского модерна только начинается (см. работы В. Лакшина о Л. Толстом [1], А. Ташлыкова об интервью А. Куприна [2], Д. Риникера об интервью И. Бунина [3], разработки в области смежного жанра литературной публицистики – анкеты см. у Е. Е. Вахненко [4]; А. С. Александрова [5]). В. Лакшин полагал, что жанр интервью, хоть и не лишен субъективности, – «...более надежный источник, чем большинство мемуаров о писателе» [1, с. 6]. В отличие от взгляда советского исследователя, определявшего специфику жанра интервью в конце XIX века как среднее между репортажем и мемуарами, современные литературоведы включают интервью в ряд эго-источников, напротив, ценных именно «необъективностью», пристрастностью (об этом см. И. Силантьев [6]). Количество интервью, данное писателями публичным изданиям, очень велико, но до сих пор нет современного научного издания, которое представило бы полнотекстовые версии газетных интервью данного периода. Кроме того, из-за статуса жанра, который долгое время полагался нехарактерным для литературы и рассматривался как публицистический, интервью редко включались в собрания сочинений писателей или включались в очень сокращенном виде, что не позволяет вести научные разыскания. Но некоторые попытки систематизации данного материала ведутся в РГБ (см. [7, 8]). Поэтому научная новизна нашего исследования обеспечивается введением нового эмпирического материала, а также особой оптикой исследования: литературные интервью рассматриваются в контексте проблемы самоосмысления литераторов, формирования нарративов публичной самопрезентации, которые даны читателю как результат рефлексии писательского сообщества над ролью и миссией литераторов, репрезентацией тайн литературного мастерства массовому читателю.

Необходимо также уточнить, что понимается под литературным интервью в нашей работе. Методика сбора данных, вероятно, оставшаяся стабильной и для сегодняшнего дня, стала жанровой структурой, что привело к появлению необходимости отграничить ее от иных публицистических форм [9]. Особенность явления – вопрошающий и слушающий, предъявленные в тексте [9, с. 86]. Выделяя два типа жанров (информационное и аналитическое интервью), теоретики медиа акцентируют интенциональный аспект: «что?» противoves «почему?» [9, с. 86]. Современное понимание жанра интервью исходит из концепции диалогичности, поэтому культуролог А. В. Романенко справедливо указывает на то, что «диалог» многими исследователями понимается как синоним интервью [10, с. 14]. В конце XIX – начале XX жанры публицистики находились в стадии становления,

поэтому строгой дифференциации жанров «беседа» и «интервью» мы не наблюдаем. Само слово «интервью», появляющееся в частных беседах [11] и иногда в прессе [12, с. 3], было новым, но его дефиниция подразумевалась понятной читателю. Вместе с тем было существенное отличие, влияющее на форму представления материала в печати: для журналистики модерна представление о важности фигуры спрашивающего было не свойственно (как это происходит в современную нам эпоху транспарентного блоггинга), вопрошающий и отвечающий не могли восприниматься как равноправные персоны. Часто при публикации журналист обозначался буквами или его имя заменялось профессиональным статусом – репортер (например, [13, с. 6]). Поэтому для передачи вопросно-ответной формы использовались речевые модели, реплики литераторов, зеркально повторяющие запрос: «Наше искусство? Что говорить о нашем искусстве?!» [14, с. 337]; «Опасность денационализации? Вы ее боитесь? Я не нахожу ее слишком серьезной» [14, с. 338]. Мы понимаем жанр «литературное интервью» как интервью, взятое у литератора, общественно значимой фигуры, актора литературного процесса (подробнее об этом см. [15]).

Методы исследования

В основе исследования лежат описательный, сравнительно-типологический, структурный, нарративный методы.

Результаты и дискуссия

Покажем способы самопрезентации литераторов модерна на примере литературных интервью Александра Ивановича Куприна. А. И. Куприн – активный участник журналистского бума конца XIX – начала XX века, не только интервьюируемый, но и интервьюер (по данным «Купринской энциклопедии» [16]). Хотя сама роль журналиста не всегда видится писателю приятной («нельзя у уставшего человека копать в душе, точно в своем письменном ящике» [17, с. 3], сама по себе включенность в контекст дискуссий эпохи кажется ему правильной позицией. Роль Куприна-журналиста изучена в достаточной мере (см. [18]), исследователи отмечают сильное влияние профессионального опыта на публицистику и прозу писателя [19] (в том числе и в эмигрантский период) [20]. Большое количество интервью с писателем объясняется также и наличием дружеских связей с ведущими репортерами эпохи А. Измайловым и В. Регининым, работавшими для газет «Биржевые ведомости» и «Русское слово».

Эмпирической базой исследования стали интервью А. И. Куприна начала XX века, данные газетам и журналам «Вечерние известия», «Биржевые ведомости», «Голос Москвы», «Новый путь», «Петербургская газета», «Общее дело», «Всемирная панорама», «Возрождение», «Последние новости», «Своими путями», «За свободу», «Дни», «Сегодня». Некоторые из анализируемых текстов использовались как вспомогательный материал, но в научный

дискурс мы вводим также и новые источники. Нас интересуют формально-содержательные аспекты интервью А. И. Куприна, их тематические векторы. Большой частью публикации изучаемого автора, интервью и беседы с писателем появлялись в столичных петербургских газетах; можно утверждать, что писателю были известны ожидания читателей прессы этого периода и задачи, которые ставились репортерам и журналистам, что влияло на его высказывания в более позднее время, когда к нему пришла всеевропейская известность.

Отдельные интервью писателя доступны в полных собраниях сочинений 1964 [21] и 2006 [22] годов, тот же корпус текстов собран ранее в сборнике «А. И. Куприн о литературе» [23]. Куприн, дающий интервью, стал предметом специального изучения куприновода С. А. Ташлыкова, выступившего составителем сборника «Куприн в зеркале интервью», в котором интервью как предмет изучения впервые выделено из ряда иных литературно-публицистических жанров, а также отмечены некоторые характерные черты бытования жанра в периодике изучаемого нами периода [24].

С точки зрения содержания, при анализе проблемно-тематических векторов бесед, можно утверждать, что часть интервью, которые берутся у писателя, имеют ритуальную природу, связаны с необходимостью уведомлять читателя о новинках или ближайших планах на сбор литературного материала: из интервью 1916 года становится ясно, что Куприн информирует читателей о завершающем этапе работы над «Юнкерами» в годы Первой мировой войны, делится планами о поездке «по русской Лапландии и Северу» [25, с. 3]; «Свою пьесу о гуляке, попавшем на королевский трон, ему [Куприну] не удалось подвинуть. Не набросал он и либретто задуманной оперетты. Ближайшая работа его – большая повесть “Юнкера”, стоящая в известной логической связи с “Поединком”, – пожалуй, как пролог к той жизни и типам, какие изображены в известном романе поручика Ромашова» [26, с. 3] и т. п. Композиция у таких интервью типичная рамочная, где в интродукции даны описания сада и дома, рабочего кабинета и представлен портрет писателя, что отвечает запросу читательской публики, с одной стороны, на «человеческое» в жизни писателя, с другой – на часть тайны, которая еще со времен романтизма стоит за писательством как культурной практикой. Так, например, в августе 1908 года в «Петербургской газете» напечатано интервью Куприна корреспонденту В. Регинину. Оно открывается описанием рабочей комнаты: «Окна занавешены зелеными с лиловым занавесками. Белый, гладко выструганный стол, в гладкой деревянной раме портрет Толстого, фотография Чехова, портрет Кнута Гамсуна. На стенах карикатуры-оригиналы Щербова. У входа в комнату прислонился к стене велосипед» [27, с. 3].

Интервью Куприна, данные в разные годы, отличаются высокой рекуррентностью способов

самопрезентации, главный из которых – Куприн витальный. Заявляя, что его писательство напрямую связано с реалистической художественной стратегией (Куприн полагал себя наследником Л. Толстого), писатель последовательно предъясняет себя публике как человека, близкого к земле, огородника, любящего все, что связано с природой и животными, близкого простым людям – рыбакам, морякам и рыночным торговцам. От интервью к интервью повторяется образ Куприна, вытирающего руки после работы с землей: «Моя давнишняя мечта иметь свою землю, заниматься садоводством и огородничеством» [28, с. 3]; «Что же вы делали в Гатчине до бегства? – Весной – я сажал огороды, летом – жил тем, что продавал свои вещи, а осенью собирал картофель» [29, с. 3]; «Я люблю цветы, собак, огороды, верховую езду, солнце, море... <...> Мое единственное развлечение – мой милый сад, к которому я сильно привязался» [30, с. 4]. Куприн – любитель животных: «Если обращаться с животными ровно и ласково и снисходительно к их порокам, – характер у них меняется, они входят в коллективную душу дома. У нас, если кто болен – кот сидит на пороге его комнаты и не уйдет хоть два месяца, – так и доктора о него спотыкаются. Животные... А вы заметили, что сейчас в литературе почти не осталось ни собак, ни лошадей? И детей тоже нет» [31, с. 4].

Образ писателя узнаваем, становится частью креолизованных текстов периодики (в том числе карикатурных), стереотипизируется, входит в состав шуток о литераторах, как, например, в заметке 1912 года, где Куприна и Андреева намеренно путают, и это очевидно читателю, регулярно знакомящемуся с материалами прессы: «В нашей современной литературе есть два имени, две точки, около которых ютятся остальные ее представители, которые дают общий тон и направление, и предписывают те или иные взгляды и требования. Это – Андреев и Куприн. Их фигуры уже примелькались. Всем известна черная тужурка Андреева. Все знают несколько сгорбленную, усталую фигуру Куприна. И на портретах Андреев выходит всегда жизнерадостным, веселым, полным сил, – в то время как у Куприна мы замечаем какое-то скорбное выражение, говорящее о душевной усталости и желании отдохнуть» [32, с. 2]. В эмигрантских статьях этот образ окончательно кристаллизуется: «По утрам Александр Иванович работает. В кабинете стол, заваленный рукописями, книгами, газетами. На стенах портреты Л. Толстого и Пушкина. Гатчинские фотографии, память о Гатчине, где жил Александр Иванович в своем особнячке, разводил кур, сажал яблоны, ухаживал за цветами» [33, с. 314].

По мнению Куприна, единственно возможная позиция автора – наблюдатель, и это влечет за собой презентацию технологии творчества как сбор материала, который дает сама жизнь: «Дело в том, что в бытность мою в Балаклаве я близко сошелся

с черноморскими рыбаками, среди которых у меня было много друзей. Я присматривался к их жизни, принимая непосредственное участие в их занятии... Мы выезжали в море за рыбой, встречались в рыбацких кофейнях и «бodegaх», плели вместе сети и чинили рыболовные снасти [34, с. 6]; «Жизнь там, среди рыбаков, дала мне неисчерпаемый источник сюжетов для моих произведений» [30, с. 4]. Поэтому автор показывает нам, что многие творческие находки – часть «неслучайных случайностей» самой жизни: «Собственно, не писать, а смотреть надо... Не так сложилась жизнь. Я мечтал кругосветное плавание совершить, матросом или кочегаром» [31, с. 4]. Повод к писательству дает действительность: «А жизнь-то!.. Если бы удалось вдруг уехать месяцев на шесть, без необходимости писать... Ну, “Юнкеров” бы закончил, повестушку еще одну. А вот еще никто у нас ничего не писал о летчиках, и самый полет как следует не описан. Да нет, тем множество» [31, с. 4].

Кроме того, важна позиция автора по отношению к читателю, мыслимому Куприным образом воспринимающего его творчество сознания. Читатель онтологически близок писателю, идеологически и оценочно приближается к образу идеального, всепонимающего субъекта. Писатель показывается нам как «доступный», близкий субъект, живой человек, вовлеченный в диалог с реципиентом: «Дверь отпер сам Александр Иванович и повел меня к себе в кабинет» [33, с. 314]; «И все-таки изумительный наш русский читатель. Ну, конечно, и вздор читают, и реклама действует, и все-таки есть у нас такая читательская масса, ее ничем не обманешь. Чувствуют, что – настоящее» [33, с. 315].

Очевидно, что последовательность такой самопрезентации связана с позиционированием себя как наследника великой реалистической традиции, своеобразного «неонатуралиста», что в литературном Серебряном веке видится, с одной стороны, как оппозиция символистским и иным авангардным практикам письма, с другой – как практика самоумаления «натурального» субъекта рассказывания, высокий образец которой мы можем видеть в творчестве раннего Ф. М. Достоевского (например, в романе «Бедные люди»). Противопоставление себя авангардистскому письму модерна также рекуррентно, мы можем проследить эту линию самопрезентации на протяжении всей творческой жизни писателя (см., например, [33, с. 314]). В интервью «Петербургской газете» в январе 1914 года сформулировано мнение о футуристах: «Футуристы веселые, озорные мальчишки, но они подрастут и одумаются» [33, с. 336]. При этом «Купринская энциклопедия» под редакцией научного сотрудника ГБУК ОГЛММ Т. А. Каймановой свидетельствует о том, что Куприн неоднократно выступал в сборных поэтических концертах вместе с представителями литературного авангарда. Соответственно, можно предположить, что формиро-

вание персонально осмысленного литературного «канона», образцовых авторов и текстов – это результат последовательного помещения себя в определенную рамку. А. И. Куприн в интервью обращается к прецедентным феноменам, прошедшим (пользуясь терминологией И. Розанова) стадию первичной канонизации именно в эпоху модерна. Помимо уже упоминаемого Л. Н. Толстого, писателем-идеалом видится А. С. Пушкин, внимание к частной жизни которого Куприну кажется неприличным (особенно негативно оценивается деятельность прессы в юбилейный 1899 год) [35, с. 6].

Иное, более критическое мнение высказывает Куприн о писателях-современниках, отдавая должное, например, Н. Никандрову, Ф. Сологубу, В. Брюсову и К. Зайцеву, высказывает резкое критическое мнение по поводу явной политической ангажированности М. Горького: «Я считаю последние вещи Горького очень талантливыми. Талант Горького немного заедает политика. Она лишает его основного требования для писателя – свободы творчества, и Горький заставляет писать тенденциозно» [33, с. 333].

Многие интервью и заметки А. И. Куприна можно анализировать как единые серии, т. к. тематически они объединяются вокруг наиболее резонансных публикаций автора. Особенно репрезентативна в этом смысле полемика по поводу выхода повести «Яма» (проблема проституции [36–38], также скандал с плагиатом замысла второй части, который совершил «Граф Амори» (настоящее имя И. П. Рапгоф) [39]). После выхода второй части повести в 1915 году острый вопрос существования проституции в России обсуждался не менее интенсивно, несмотря на изменившийся исторический контекст. Автор на долгие годы стал экспертом по «женскому вопросу»: «Во всяком случае, я твердо верю, что свое дело я сделал. Проституция – это еще более страшное зло, чем война, мор и так далее. Война пройдет, но проституция живет веками» [40, с. 5].

Картина мира Куприна-писателя симметрична нефикциональному нарративу, представленному в интервью. Автор сосредоточен на болевых точках современности – проституция, армейское пьянство. Во многом восприятие неразделенности образа Куприна – писателя-реалиста и повествующего субъекта его текстов (основной тип нарратора в его прозе – нарратор, принадлежащий миру повествования, в терминологии В. Шмида, диегезису [41, с. 46]), – определило необычайный всплеск интереса к фигуре А. И. Куприна в годы Русско-Японской и Первой мировой войн. Еще в середине 1900-х годов внимание к Куприну обеспечивалось очевидным автобиографизмом многих его текстов. Автор подтверждал этот вектор интерпретации в интервью по поводу выхода рассказов и повестей «Дознание» (1894), «Куст сирени» (1894), «Ночная смена» (1899), «Кадеты. На переломе» (1900), «Поход» (1901), «Штабс-капитан

Рыбников» (1906), «Поединок» (1905) и др. Поэтому пресса отводила ему роль эксперта в военной и армейской жизни, репортера на передовой. Автор в толстовской традиции правды жизни указывает на большие вопросы современности: «Службу они рассматривают как невыносимое, ужасно скучное бремя. И все пьют, пьют и пьют. Пьют до белой горячки, до потери человеческого облика. Нередко можно видеть, как бравый денщик ведет по улицам маленького городишки своего офицера; офицер в расстегнутом кителе, с сорванной саблей, испачканный в грязи, с погасшим свинцовым взглядом и с фуражкой на затылке; бессильную рукою он время от времени бьет по лицу своего денщика и в промежутках страдает приступами морской болезни» [18, с. 40]. Позднее Куприн писал, что твердо «...решил, что ездить туда из праздного любопытства, с комфортом и полной безопасностью» также неловко, как ...неловко наблюдать для темы страдания, смерть и роды» [35, с. 6].

Выводы

Интервью литератора А. И. Куприна представляют собой яркий образец ранних интервью акторов литературного процесса эпохи модерна. Временной диапазон анализируемых источников позволяет проследить стабилизацию жанровых черт (прежде всего структурных), появление клишированных речевых конструкций (особенно в коротких заметках «ритуального» новостного характера). Популярность Куприна позволяет проанализировать большое количество эмпирических данных и подтвердить этапы формирования образа литератора в публичных изданиях: писатель-виталист, любящий простую жизнь, последовательно следующий литературной стратегии писателей-реалистов, ориентирующийся на художественный опыт Л. Н. Толстого, в том числе и в следовании традиции открытого обсуждения самых сложных вопросов современности. Наибольшее количество интервью приходится на годы войн (Русско-Японской, Первой мировой), на постреволюционное время, а также на пятилетие после выхода повести «Яма» (начало 1910-х годов), связано с обсуждением женского вопроса и сложных отношений в российской армии. Таким образом, мы можем видеть запрос публики по отношению к литераторам, тяготеющий к всеохватности приписываемого писателю опыта, динамику интереса к важным темам современности, публичную рефлексию писательского сообщества над ролью литератора в жизни общества, стереотипизацию образов в ходе самоосмысления и дальнейшую трансляцию готовых публичных формул в прессе.

Литература

1. Лакшин, В. Я. Лев Толстой глазами современников / В. Я. Лакшин // Интервью и беседы с Львом Толстым. – М. : Современник, 1987. – С. 3–17.

2. Куприн в зеркале интервью : сборник материалов / сост., вступ. ст. и комм. С. А. Ташлыкова. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. – 239 с.

3. Риникер, Д. «Литература последних годов – не прогрессивное, а регрессивное явление во всех отношениях»: Иван Бунин в русской периодической печати (1902–1917) / Д. Риникер // И. А. Бунин: Новые материалы: Вып. 1 ; сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. – М. : Русский путь, 2004.

4. Вахненко, Е. Е. Редакционная политика газеты «Биржевые ведомости» в контексте исторического слома (июль 1914 – октябрь 1917 года) / Е. Е. Вахненко // Сибирский филологический журнал. – 2019. – № 4. – С. 101–115.

5. Александров, А. С. Ответы писателей на анкеты периодических изданий начала XX века / А. С. Александров // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 447. – С. 5–10.

6. Силантьев, И. В. Нарратив в литературе и истории. На материале дневниковой прозы А. Герцена 1840-х гг. / И. В. Силантьев, Е. К. Созина // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 3. – С. 58–68.

7. Российские литераторы начала XX века на страницах московских газет. 1901–1917 : библиографический указатель : в 2 т. Т. 1. – М. : Пашков дом, 2019. – 470 с.

8. Российские литераторы начала XX века на страницах московских газет. 1901–1917 : библиографический указатель : в 2 т. Т. 2. – М. : Пашков дом, 2019. – 468 с.

9. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати : учебное пособие / А. А. Тертычный. – М. : Аспект-Пресс, 2017. – 310 с.

10. Романенко, А. В. Феномен политического интервью в контексте лингвокультуры (на примере России и США): дис. ... канд. культурологии / А. В. Романенко. – М., 2018. – 204 с.

11. Фидлер, Ф. Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения / Ф. Ф. Фидлер. – М. : Новое лит. обозрение, 2008. – 861 с.

12. Л. Андреев о войне: интервью писателя // Вечерние известия. – 1914. – 13 сентября (566). – С. 3.

13. М. П. Арцыбашев о самом себе / подгот. N. N. // Голос Москвы. – 1910. – 18 ноября (266). – С. 6.

14. Куприн, А. И. Интервью рижскому корреспонденту / А. И. Куприн // Куприн, А. И. Собрание сочинений : в 9 т. : Т. 7. – М. : Художественная литература, 1973. – С. 337–338.

15. Селютина, Е. А. Зарождение жанра литературного интервью на рубеже XIX–XX веков / Е. А. Селютина // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 76–87.

16. Купринская энциклопедия / автор проекта и гл. ред. Т. А. Кайманова. – Пенза : ИП Соколов А. Ю., 2016. – 851 с.

17. Балагин, А. У Куприна в Гатчине / А. Балагин // Всемирная панорама. – 1915. – 29 мая (№ 319). – С. 3.
18. Кайманова, Т. А. Куприн в воспоминаниях «зеленых лошадей», или мемуарный образ А. И. Куприна / Т. А. Кайманова // «Врут, как зеленые лошади...». Куприн в воспоминаниях, письмах, документах; сост. Т. А. Каймановой. – Пенза, 2020. – 968 с.
19. Ефименко, Л. Н. Публицистика А. И. Куприна: Проблемы жанрового своеобразия : дис. ... канд. филол. наук / Л. Н. Ефименко. – Краснодар, 2003. – 219 с.
20. Селунская, Н. Б. Образ «своего» / «иного» культурно-исторического пространства в беллетризованных мемуарных текстах А. И. Куприна / Н. Б. Селунская // Исторический журнал: научные исследования. – 2019. – № 6. – С. 144–150.
21. Куприн, А. И. Собрание сочинений : в 9 т. Т. 9 : Очерки. Воспоминания. Статьи и фельетоны / А. И. Куприн. – М. : Правда, 1964. – 591 с.
22. Куприн, А. И. Полное собрание сочинений : в 10 т. / А. И. Куприн. Т. 10: Заметки публициста, сатирика и литературного критика. Интервью, анкеты. – М. : Воскресенье, 2006. – 420 с.
23. Куприн, А. И. О литературе / А. И. Куприн; сост. Ф. И. Кулешов. – Минск : Изд-во БГУ, 1969. – 455 с.
24. Куприн в зеркале интервью : сборник материалов / сост., вступ. ст. и комм. С. А. Ташлыкова. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. – 239 с.
25. Петров, М. У А. И. Куприна / М. Петров // Вечерние известия. – 1916. – 3 мая (№ 973). – С. 3.
26. Л. Н. Андреев, А. В. Амфитеатров и А. И. Куприн // Вечерние известия. – 1916. – 9 сентября (№ 1080). – С. 3.
27. Регинин, В. У Куприна / В. Регинин // Петербургская газета. – 1908. – 24 августа (№ 232). – С. 3.
28. Регинин, Вас. Куприн о своих планах / Вас. Регинин // Биржевые ведомости. – 1909. – 28 февраля (№ 10984). – С. 6.
29. Из беседы с А. И. Куприным // Общее дело. – 1920. – 16 июля (№ 79). – С. 3.
30. С., Мих. В гостях у А. И. Куприна / Мих С. // Петербургская газета. – 1909. – 9 июня (№ 155). – С. 4.
31. Городецкая, Н. Д. В гостях у А. И. Куприна. Беседа с писателем / Н. Д. Городецкая // Возрождение. – 1930. – 16 декабря (№ 2023). – С. 4.
32. Одинокый, В. Противоречивое творчество / В. Одинокый // Новый путь. – 1912. – 2 января (1). – С. 2.
33. Куприн, А. И. Собрание сочинений : в 11 т. / А. И. Куприн; сост. А. Храмов; вступ. ст. К. Паустовского. Т. 11 : Произведения разных лет. Воспоминания. – М. : Терра-Книжный клуб : Литература, 1998. – 352 с.
34. Регинин, В. Куприн. Отклики писателя на литературные злобы / В. Регинин // Биржевые ведомости. – 1908. – 17 июня (№ 10558). – С. 6.
35. Куприн, А. И. Союзники / А. И. Куприн // Биржевые ведомости. – 1916. – 1 января (№ 15300). – С. 6.
36. У Куприна // Голос Москвы. – 1909. – 13 октября (№ 234). – С. 2.
37. У А. И. Куприна // Русское слово. – 1910. – 14 марта (№ 60). – С. 6.
38. Приезд А. И. Куприна / записал П. Г. // Голос Москвы. – 1910. – 26 февраля (№ 46). – С. 5.
39. У А. И. Куприна // Вечерние известия. – 1915. – 25 мая (экстр. вып.). – С. 2.
40. В литературном мире. У А. И. Куприна // Биржевые ведомости. – 1915. 21 мая (№ 14855). – С. 5.
41. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Яз. славян. культуры : Кошелев, 2003 – 311 с.

Селютина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной и творческой работе, Челябинский государственный институт культуры (Челябинск), e-mail: L22502@yandex.ru. ORCID 0000-0002-5982-6208

Поступила в редакцию 12 марта 2024 г.

DOI: 10.14529/ssh240312

ALEXANDER KUPRIN AS A GARDENER: THE SELF-PRESENTATION OF A WRITER IN LITERARY INTERVIEWS OF MODERNISM

E. A. Selyutina

Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russian Federation

This article examines the genre of “the literary interview” using the example of creative statements in the press by Alexander Kuprin at the beginning of the 20th century. At the beginning of the genre, the principles and roles of interaction between interviewers and interviewees were laid down, and the expectations of the reading public on the formal and meaningful features

of the genre were formed. The interview genre is considered in the context of the evolution of the literary form of the portrait in the formation of mass culture and there was increased interest in the private life of writers as a characteristic feature of modernity. New materials not previously considered in the self-reflective narratives of writers are introduced. The vectors of Kuprin's self-presentation are shown as creative tactics. The experience of interacting with the reader was prepared by the tradition of realism of the 19th century for the "naked truth of life". The writer's public position is conditioned by his published work, creative sympathies, and guidelines (Kuprin, as an opponent of avant-garde literature, is the heir to the tradition of Pushkin and Tolstoy). He positions himself as a creator, ready to let the reader into his creative laboratory, which was close to a simple "non-ethical" world. The author's role model is the examination of the sick points of modernity (army life, prostitution, life in Soviet Russia).

Keywords: literary interview, Russian modernism, ego-narrative, journalism, history of journalism, mass media, media discourse, speech genres, periodicals, interviewers, interviewees, Alexander Kuprin.

References

1. Lakshin V.J. Lev Tolstoy glazami sovremennikov [Leo Tolstoy in the Eyes of Contemporaries] // *Interv'yu i besedy s L'vom Tolstym*. M.: Sovremennik, 1987. S. 3–17.
2. Kuprin v zerkale interv'yu [Kuprin in the Mirror of Interviews: a Collection of Materials]: sbornik materialov / sost., vstup. st. i komm. S.A. Tashlykova. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2020. 239 s.
3. Riniker D. «Literatura poslednikh godov – ne progressivnoe, a regressivnoe yavlenie vo vsehk otnosheniyakh»: Ivan Bunin v russkoy periodicheskoy pechati (1902–1917) [“Literature of Recent Years is not Progressive, but Regressive Phenomenon in all Respects”: Ivan Bunin in the Russian periodical press (1902–1917)] // *I. A. Bunin: Novye materialy*: Vyp. 1; sost., red. O. Korostelev i R. Devis. M.: Russkiy put', 2004.
4. Vahnenko E.E. Redaktsionnaya politika gazety «Birzhevye vedomosti» v kontekste istoricheskogo sloma (iyul' 1914 – oktyabr' 1917 goda) [Editorial Policy of the Newspaper “Birzhevye Vedomosti” in the Context of Historical Breakdown (July 1914 – October 1917)] // *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 2019. № 4. S. 101–115.
5. Aleksandrov A.S. Otvety pisateley na ankety periodicheskikh izdaniy nachala XX veka [Answers of Writers to the Questionnaires of Periodicals of the Early 20th Century] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. № 447. S. 5–10.
6. Silant'ev I.V., Sozina E.K. Narrativ v literature i istorii. Na materiale dnevnikovoy prozy A. Gertsena 1840-kh gg. [Narrative in Literature and History. On the Material of the Diary Prose of A. Herzen 1840s] // *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 2013. № 3. S. 58–68.
7. Rossiyskie literatorty nachala XX veka na stranitsakh moskovskikh gazet. 1901–1917 [Russian Writers of the Early 20th Century on the Pages of Moscow Newspapers. 1901–1917]: bibliograficheskii ukazatel': v 2 t. T. 1. M.: Pashkov dom, 2019. 470 s.
8. Rossiyskie literatorty nachala XX veka na stranitsakh moskovskikh gazet. 1901–1917 [Russian Writers of the Early 20th Century on the Pages of Moscow Newspapers. 1901–1917]: bibliograficheskii ukazatel': v 2 t. T. 2. M.: Pashkov dom, 2019. 468 s.
9. Tertychnyy A.A. Zhanry periodicheskoy pechati : uchebnoe posobie [Genres of Periodicals]. M.: Aspekt-Press, 2017. 310 s.
10. Romanenko A.V. Fenomen politicheskogo interv'yu v kontekste lingvokul'tury (na primere Rossii i SShA) [The Phenomenon of Political Interview in the Context of Linguoculture (on the Example of Russia and the USA)]: dis. ... kand. kul'turologii. M., 2018. 204 s.
11. Fidler F.F. Iz mira literatorov: kharaktery i suzhdeniya [From the World of Literati: Characters and Judgments]. M.: Novoe lit. obozrenie, 2008. 861 s.
12. L. Andreev o voyne [L. Andreev about the war] : interv'yu pisatelya // *Vechernie izvestiya*. 1914. 13 sentyabrya (566). S. 3.
13. M.P. Artsybashev o samom sebe [M.P. Artsybashev about Himself] / podgot. N. N. // *Golos Moskvy*. 1910. 18 noyabrya (266). S. 6.
14. Kuprin A. I. Interv'yu rzhskomu korrespondentu [Interview to the Riga Correspondent] // *Kuprin A.I. Sobranie sochineniy*: v 9 t.: T. 7. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1973. S. 337–338
15. Selyutina E.A. Zarozhdenie zhanra literaturnogo interv'yu na rubezhe XIX–XX vekov [Origin of the Genre of Literary Interview at the Turn of the 19th to 20th Centuries] // *Filologicheskii klass*. 2022. T. 27, № 4. S. 76–87.
16. Kuprinskaya entsiklopediya [Kuprin Encyclopedia] / avtor proekta i gl. red. T. A. Kaymanova. Penza: IP Sokolov A.Y., 2016. 851 s.

17. Balagin A. U Kuprina v Gatchine [At Kuprin in Gatchina] // *Vsemirnaya panorama*. 1915. 29 maya (№ 319). S. 3.
18. Kaymanova T.A. Kuprin v vospominaniyakh «zelenykh loshadey», ili memuarный obraz A.I. Kuprina [Kuprin in the Memories of “Green Horses”, or the Memoir Image of A.I. Kuprin] // «*Vrut, kak zelenye loshadi...*». Kuprin v vospominaniyakh, pis'makh, dokumentakh; sost. T.A. Kaymanovoy. Penza, 2020. 968 s.
19. Efimenko L.N. Publitsistika A.I. Kuprina: Problemy zhanrovogo svoeobraziya [Publicist A.I. Kuprin: Problems of Genre]: dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar, 2003. 219 s.
20. Selunskaya N. B. Obraz «svoego» / «inogo» kul'turno-istoricheskogo prostranstva v belletrizovannykh memuarных tekstakh A.I. Kuprina [Image of “Own” / “Other” Cultural and Historical Space in the Fiction Memoir Texts of A.I. Kuprin] // *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 2019. № 6. S. 144–150.
21. Kuprin A.I. Sobranie sochineniy [Collected Works]: v 9 t. T. 9: Ocherki. Vospominaniya. Stat'i i fel'tony. M.: Pravda, 1964. 591 s.
22. Kuprin A.I. Polnoe sobranie sochineniy [Complete Works]: v 10 t. T. 10: Zametki publitsista, satirika i literaturnogo kritika. Interv'yu, ankety. M.: Voskresen'ye, 2006. 420 s.
23. Kuprin A.I. O literature [On Literature] / Sost. F. I. Kuleshov. Minsk : Izd-vo BGU, 1969. 455 s.
24. Kuprin v zerkale interv'yu: sbornik materialov [Kuprin in the Mirror of Interviews] / sost., vstup. st. i komm. S.A. Tashlykova. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2020. 239 s.
25. Petrov M. U A.I. Kuprina [At A.I. Kuprin] // *Vechernie izvestiya*. 1916. 3 maya (№ 973). S. 3.
26. L.N. Andreev, A.V. Amfiteatrov i A.I. Kuprin [L.N. Andreev, A.V. Amfiteatrov and A.I. Kuprin] // *Vechernie izvestiya*. 1916. 9 sentyabrya (№ 1080). S. 3.
27. Reginin V. U Kuprina [At Kuprin] // *Peterburgskaya gazeta*. 1908. 24 avgusta (№ 232). S. 3.
28. Reginin Vas. Kuprin o svoikh planakh [Kuprin about his Plans] // *Birzhevye vedomosti*. 1909. 28 fevralya (№ 10984). S. 6.
29. Iz besedy s A.I. Kuprinym [From a Conversation with A.I. Kuprin] // *Obshhee delo*. 1920. 16 iyulya (№ 79). S. 3.
30. S. Mih. V gostyakh u A.I. Kuprina [On a Visit to A.I. Kuprin] // *Peterburgskaya gazeta*. 1909. 9 iyunya (№ 155). S. 4.
31. Gorodetskaya N.D. V gostyakh u A.I. Kuprina. Beseda s pisatelem [Visiting A. I. Kuprin. A Conversation with the Writer] // *Vozrozhdenie*. 1930. 16 dekabrya (№ 2023). S. 4.
32. Odinkiy V. Protivorechivoe tvorchestvo [Contradictory Creativity] // *Novyy put'*. 1912. 2 yanvarya (1). S. 2.
33. Kuprin A.I. Sobranie sochineniy [Collected Works]: v 11 t.; sost. A. Khramkov; vstup. st. K. Paustovskogo. T. 11: Proizvedeniya raznykh let. Vospominaniya. M.: Terra-Knignyy klub: Literatura, 1998. 352 s.
34. Reginin V. Kuprin. Otkliki pisatelya na literaturnye zloby [Kuprin. The Writer's Responses to Literary evils] // *Birzhevye vedomosti*. 1908. 17 iyunya (№ 10558). S. 6.
35. Kuprin A.I. Sojuzniki [Allies] // *Birzhevye vedomosti*. 1916. 1 yanvarya (№15300). S. 6.
36. U Kuprina [At Kuprin's] // *Golos Moskvy*. 1909. 13 oktyabrya (№ 234). S. 2.
37. U A.I. Kuprina [At A.I. Kuprin's] // *Russkoe slovo*. 1910. 14 marta (№ 60). S. 6.
38. Priezd A.I. Kuprina / zapisal P.G. [Arrival of A. I. Kuprin] // *Golos Moskvy*. 1910. 26 fevralya (№ 46). S. 5.
39. U A.I. Kuprina [At A.I. Kuprin's] // *Vechernie izvestiya*. 1915. 25 maya (ekstr. vyp.). S. 2.
40. V literaturnom mire. U A.I. Kuprina [In the Literary World. At A.I. Kuprin's] // *Birzhevye vedomosti*. 1915. 21 maya (№ 14855). S. 5.
41. Shmid V. Narratologiya [Narratology]. M.: Yaz. slavjan. kul'tury: Koshelev, 2003. 311 s.

Elena A. Selyutina – Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Vice-Rector for Scientific and Creative Work, Chelyabinsk State Institute of Culture (Chelyabinsk), e-mail: L22502@yandex.ru

Received March 12, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Селютинa, Е. А. А. И. Куприн-огородник: самопрезентация писателя в литературных интервью эпохи модернa / Е. А. Селютинa // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 103–110. DOI: 10.14529/ssh240312

FOR CITATION

Selyutina E. A. Alexander Kuprin as a gardener: the self-presentation of a writer in literary interviews of Modernism. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 103–110. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240312